

СЦЕНАРИЙ — БОЛЬ МОЕЙ ДУШИ

Судьба этого сценариста — сама по себе тема для киносценария...

Мы не виделись с ним 16 лет, с того момента, когда Ваня Жук, вгиковский наш сокурсник, ушел со сценарного отделения мастерской Н.Н. Фигуровского, где так радостно и легко начинали учиться мы вместе, веря в чудодейственную силу кино и нашу счастливую дорогу в кинематографическом мире.

Это лето неожиданно потрясло новостью: на международном кинофестивале славянских и православных народов «Золотой Витязь» сценарий Ивана Жука «Студент холодных вод» занял первое место.

Ивана я разыскивала в Москве долго. Наконец, дорога вывела к Свято-Данилову монастырю, где, как мне сказали, его можно было найти в просфорне. В белом, как у врача, одеянии, с грустными, как и раньше, глазами, он улыбнулся мне навстречу. «А, это ты», — сказал, будто бы мы расстались только вчера. Мы вышли к монастырскому цветнику, к сырой от московского дождя лавочке, где я и взяла это долгожданное для себя и довольно необычное интервью.

— Ваня, как ты оказался в этом монастыре, что тут делаешь?

— Попал сюда очень просто. Сначала после студенческого вгиковского опыта вернулся в родные Сумы, писал там без конца и дописался до того, что мне просто есть нечего было. А семья уже появилась, родился сын. Тогда я попросил своего московского друга стать крестным отцом моему ребенку. Вот мой друг, обнаружив, что у меня в бытовом смысле ничего нет для семьи, предложил: «Поехали в Москву, месячишко потрудишься там, может, хоть на пенки заработаешь». Я приехал один раз, потом второй, через некоторое время еще. А теперь практически все время здесь нахожусь, потому что другого выхода не остается. По профессии работу найти не могу. Я всегда хотел заниматься сценаристикой, в кино работать. Возможности для этого не было никакой. Не знаю, может быть, сейчас появится.

Что я тут делаю, в монастыре? Работаю просфорником. Очень много работы перед большими православными праздниками — выпекаем просфоры, артасы... Иногда, когда работы меньше, меня отпускают домой, отвожу туда заработанные деньги. Когда разница между гривной и рублем была незначительная, можно было почаше бывать дома. Теперь практически не бываю, сын плачет, когда уезжаю. Это тяжело. Ему недавно 6 лет исполнилось.

— А сколько времени ты в монастыре работаешь?

— Седьмой год. Мне позволяют жить в гостиничном корпусе. И здесь у меня есть возможность не только обдумывать темы сценариев, работать над ними. Здесь удается потихоньку продолжать работу над коллажами, которые в родных моих Сумах никому не были нужны. Здесь же, когда я уже работал в Свято-Даниловом монастыре, прошла моя выставка на Крымском Валу.

— Случайность ли это, что судьба привела тебя к монастырю?

— Я думаю, что случайностей в жизни не бывает. В детстве мечтал пойти в монастырь. И именно теперь, работая в Свято-Даниловом монастыре, осознал тему, к которой шел годы. Тему сценария «Студент холодных вод».

— Что же это за тема и почему ты остановился именно на ней? Кстати, сколько у тебя было написано сценариев раньше, до этого «победоносного»?

— Я сценарии писал все время и всевозможные, их у меня около 20-ти. При советской власти мне говорили: куда вы с таким сценарием, это не пройдет. Потом был период, когда говорили: то, что вы написали, прекрасно, но, к сожалению, не принесет денег; потом было время, когда я слышал в ответ: все замечатель-

но, но надо искать продюсера. И так продолжается до сих пор. А я пишу, сам не зная зачем, уже многие годы. Потому что есть такая потребность, необходимость.

Сценарий «Студент холодных вод» — о человеке XIX века, московском иудее, которого посадили в сумасшедший дом. Вначале он предостерег девушку, которую хотел взять для баловства один большой человек, раскрыв его обман. Тот в отместку посадил иудея в психолечебницу. Там Иван Яковлевич Корейша, главный герой моего сценария, просидел 40 лет. Помогал людям. Когда человек, посадивший его в это заведение, оказался больным и тоже попал в сумасшедший дом, мой герой помогал и ему.

— Как же он помогал людям?

— Советом помогал. Иудейский этот обителью даром прозорливости, видел будущее. Когда спустя время главврач сказал ему: «Я не вижу твоей болезни. Иди на свободу», он ответил: «С Богом везде свобода», — и остался в сумасшедшем доме до конца. Личность, по моему, очень серьезная, и я думаю, что если бы такой фильм был снят, то он очень многих поддержал бы, потому что наша жизнь не намного отличается от жизни Ивана Яковлевича. Я очень благодарен тому, что именно в Свято-Даниловом монастыре я впервые прочитал житие, которое, я почувствовал, поддерживает меня. Подумал, что, наверное, кого-то другого это поддержит тоже. Потому и написал сценарий.

— Как тебе работалось над сценарием? В чем отличие от того, что ты делал раньше?

— Когда я его писал, говорили, что невозможно сделать сценарий о иудее, показать его духовность. На самом деле, я не пытался показывать духовность. Я хотел показать, как влияет духовный че-

ловек на мир, окружающий его, что он вносит в этот мир, как меняются люди вокруг него. Придя в «дурдом», он создал нормальное общество в той палате, куда его поместили. И с Божьей помощью это было сделано. Когда я работал над сценарием, говорили, что это написать невозможно. Когда написал, говорили, что это никому не надо. Оказалось — это показал фестиваль «Золотой Витязь», — что нужно не только мне, но и другим. Люди заметили сценарий. Теперь кто-то опять говорит, что фильма не будет, дескать, баловство — вся эта писанина. Но я почему-то думаю, что и фильм может состояться. Когда делаешь то, что надо — а я чувствую, что это действительно надо, — найдутся и деньги каким-то образом. Я, правда, не знаю, как. У меня нет ни одного денежного знакомого. Друзья и близкие — все нищие, как и я сам, понимаешь? Но я верю, что каким-то странным образом все сложится, и фильм будет.

— Почему ты так уверен, что эта сценарная работа — то, что нужно именно сейчас?

— Потому что об этой теме я думаю давно. Еще в конце 80-х эта тема меня грызла. Когда в «Иностранной литературе» вышли «Женщина в песках» и «Шпиль» Голдинга, я понял, что западное искусство дошло до своего пика и дальше идти не может. Они попытались через атеизм найти какой-то смысл в бессмыслице: будто разрушением можно что-то построить. Дальше Запад сказать ничего не мог. Я просто понял, что дальше сказать может именно русское искусство. И я искал такой материал. Во-первых, бессмыслицей смысл создается. Если бессмыслицей, то той, которая от Бога, а не просто так: пошел и начал воротить бессмыслицу. И второе — на разрушении невозможно ничего построить. Я с самого начала спорил с двумя конкретными произведениями. В первых сво-

СЦЕНАРИЙ — БОЛЬ МОЕЙ ДУШИ

(Окончание. Начало на с.4)

их сценариях я приближался к этой теме. Но впервые я начал серьезно работать над этим, думая о фестивале «Золотой Витязь», понимая, что никакой другой кинофестиваль этот сценарий не пропустил бы. Вспомним русских святых, вообще русских старцев, которые говорят: держа голову в аду, не отчаивайся. А современный старец Кирилл Павлов сказал удивительную фразу в пору, когда значение придавалось «большинству»: «один человек и еще Бог — вот вам и большинство». Я думаю, это абсолютно верно. Это единственное большинство, которое возможно. Об этом и хотелось написать. Потому что «ура-победительностью» сейчас никого не убедишь, не проймешь. Чтобы дать человеку поддержку, надо показать ему, что другие были в не менее страшной ситуации. И я думаю, что, поняв это, многие не напились бы, а держались. Художник сейчас должен поддерживать, а не просто отвлекать-развлекать людей. Люди сейчас живут в каком-то оцепенении. Они знают, что вот-вот приблизится крах всему, возможно, не сегодня-завтра Россия развалится на части. А их все время убеждают, что нужно играть в какие-то игры, и все будет хорошо. Откуда возьмется это «хоро-

шо» — непонятно. А в ситуации поголовного отчаяния, чтобы поддержать человека, нужно копнуть настолько глубоко — своею жизнью коснуться этого. Поэтому монастырь мне очень помог с этим сценарием. Не побывай я здесь, не прочитай книжку о житии этого юродивого, так и не знал бы, как реализовать свою тему.

— Значит, именно в этой теме ты видишь перспективу?

— Да. Эта русская струя могла бы поддержать многих. И не только в России. Ведь традиция житийственности у нас была всегда. Россия держалась на этом — читали жития святых, ориентировались на них и тем самым не сдавались. Жили-то в тяжелейших условиях — каждый год то недород, то засуха, то еще что-то. Когда все поневоле на авось идет, только святые и поддерживали своим участием, как при Сергии Радонежском. Люди просто могли прочитать житие, и оно уже поддерживало. Сейчас это, наверное, самое главное, что у нас осталось, чем мы можем гордиться. Недавно читал Паисия Афонского, старца, описывающего ситуацию, близкую нам — греки очень боялись, что Европа придет в Грецию; и им тяжело будет

выживать. Старец сказал им: ничего не бойтесь, пусть вас будет меньшинство, но вы будете делать правильное дело и победите. Если бы мы в России забыли про золотого Тельца, про то, что нам надо провратиться на Гаваи, этот морок, все, чем нас стараются запугать, ввести в отчаяние — все это отступило бы. Мы бы спокойно выжили. У нас предостаточно силы, я имею в виду славянскую Россию, Украину и Белоруссию. Ведь наступает момент, когда от отчаяния, внушенного разными способами, мы приходим к тому, что надо уже сопротивляться. И сопротивляться не глупо — бить или крушить, а духовно. Нам пытаются внушить не наши идеалы, сделать кем угодно, только не русскими. Что можно противопоставить? Только свое. Не надо ничего выдумывать. Есть русская идея, просто надо жить ею. А что легко? В этой-то «легкости» можем разрушиться окончательно. Все легче и легче становится, еще чуть-чуть — и с голоду все перемрем, и Россия рассыплется. Вот о чем я думал, работая, вот почему написал сценарий. А теперь надеюсь, что кто-нибудь поможет снять по нему кино.

— Будем надеяться.

Мария АДАРЮКОВА,
член Союза
журналистов России